

К 100-летию начала Первой мировой войны

Продолжение.
Начало в № 3

ГЛАВА 5

Немецкий вопрос

С первых же дней после начала войны в российской столице Петербурге резко активизировались антинемецкие настроения. Уже 22 июля (по старому стилю) было буквально разгромлено германское посольство на Исаакиевской площади. Вот как об этом впоследствии в своих мемуарах писал начальник дворцовой охраны генерал Спиридович:

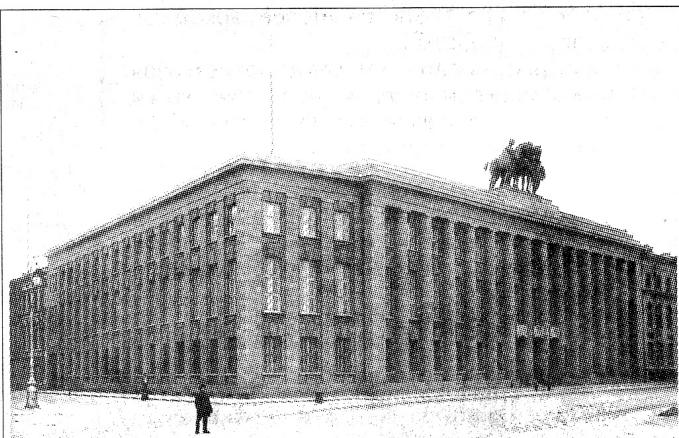
«Толпы народа, вперемежку с извозчиками и автомобилями, запрудили всю площадь и тротуары около посольства. Эскадрон конных жандармов удалял публику с тротуара посольства. Против здания, к стороне Исакия, горел громадный костёр. Там копошились пожарные.

— Это жгут Вильгельмовские портреты, — сказал подбежавший ко мне юркий молодой человек, и, прибавив, что скоро будет ещё лучше, убежал.

Громадное здание посольства было освещено только внизу. Там бегали какие-то люди и выбрасывали в окна какие-то предметы. Скоро появился свет во втором этаже, затем и выше. Бегающие фигуры появились во всех этажах. Особенно сутилась там какая-то барышня в шляпке. Кипы бумаг полетели из окон верхнего этажа и, как снег, посыпались листами на толпу. Летели столы, стулья, комоды, кресла... Всё с грохотом падало на тротуары и разбивалось вдребезги. Публика улюлюкала и кричала ура. А на крыше здания какая-то группа, стучала звенья молотками, старалась сбить две колоссальные конные статуи. Голые тевтоны, что держали лошадей, уже были сбиты. Их сбросили, с крыши и, под восторженное ура, стащили волоком к Мойке и сбросили в воду. Около, на тротуаре, стал городовой. Кругом меня все гадали. Гадала интеллигенция. А из посольства всё летели, летели разные предметы. Раздававшийся от падения треск и

На краю...

(Балаково в годы Первой мировой войны)

**Здание германского посольства в Санкт-Петербурге,
фото 10-х гг. XX в.**

грохот вызывал ура. Чем сильней был треск от разбитого, тем громче было ура и улюлюканье. Полиция только просила не ходить на тротуар посольства. Эскадрон стоял наготове. На площади был сам министр внутренних дел Маклаков, был и только что назначенный новый градоначальник князь Оболенский.

Вдруг пронеслось, что на чердаке громили нашли труп убитого человека. То был русский, долго служивший в посольстве. В группе начальства заволновалась. У эскадрона жандармов послышалась команда. Публику стали просить расходиться. Никто не слушался. Появилась пожарная машина, в толпу направили струю воды, с хохотом стали разбегаться. Я сел в экипаж и поехал телефонировать моему начальнику. По дороге обогнал большую толпу. Шли громить австрийское посольство, но полиция не допустила разгрома.

Утром, едучи на вокзал, я проехал посмотреть на посольство. Жуткая картина. Колossalное здание зияет разбитыми окнами. На крыше — покосившиеся лошади. Их не сумели сбить. Тротуары завалены грудами обломков и осколов. Полиция не позволяет приближаться. Публика смотрит молча. Ходят на Мойку смотреть, где сброшены статуи».

В те же дни толпы демонстрантов под воинственными лозунгами поджигали здания немецких фирм и магазинов. На немцев, живущих в Петербурге, обрушились оскорблении, доходящие часто до крайних проявлений. Много угроз слышалось и в адрес царицы — бывшей немецкой принцессы.

Антинемецкие настроения не могли не отразиться и на политике самодержавной власти. Первым её шагом в борьбе с «немецким засильем» стал указ Николая II от 18 августа о переименовании «немецкого» Санкт-Петербурга в «русский» Петроград, что, несомненно, охладило пыл части радикально настроенного населения. А некоторые «русские немцы» последовали примеру царя и из «чувства патриотизма» меняли немецкие фамилии на русские. Так, директор Балаковского коммерческого училища Гофман стал Ермолаевым, взяв девичью фамилию своей матери.

Затем последовали правительственные распоряжения о введении ещё целого ряда ограничений для лиц немецкой национальности. Но они были не настолько жёсткими, чтобы стать поводом для всероссийского «ату» по отношению к немцам. Последние по-прежнему чувствовали себя вполне уверенно, особенно в глубинке.

«Приказчик лесной торговли Кауфмана поселянин Иван Данилов Вентергольд в разговоре в разное время про военные действия с приказчиками лесных торговцев Мамонова — Ерошкиным Иваном Фёдоровым, Спиркиным Павлом Гавриловым; Лобанова — Морозовым Василием Павловым, Прянишниковым Иваном Ивановым и др. позволял грубо издеваться над русской армией и её главнокомандующими, выражаясь, что германская армия лучше русской, а также германское оружие лучше русского, даже часто выражался так, что наша Германия обязательно победит Россию, и что она скоро будет повелевать всем миром, и что наш Вильгельм очень знаток своего дела и т.п., — доносил по инстанции унтер-офицер балаковского жандармского пункта в феврале 1915 года.

— К сему докладываю, что приказчики мне лично заявляли, что если немцев-врагов наших не уберут из Балакова, которые над всем нашим русским позволяют так грубо издеваться и смеяться, то обязательно в Балакове скоро будет бунт и погром всех без исключения немцев. И вообще, всё население сильно озлоблено и недовольно над их наглыми издевательствами».

Эти настроения заметно обострились к осени. В сентябре того же года в Самару было отправлено донесение о том, «что все жители (старожилы) г. Балаково имеют самое отвратительное отношение к немцам вообще, а к проживающим в Балакове в особенности. Многие во всеуслышание говорят, что если бы немцев убрали из России, то русскому населению жилось бы тогда лучше, и оно свободнее себя могло чувствовать, не имея угнетения со стороны немецкого населения».

До погромов в Балакове дело не дошло. Тем не менее местные жандармы очень пристально наблюдали за всем, что так или иначе касалось немецкой общины. Одной из главных ставилась задача не допустить шпионажа.

Юрий КАРГИН
Продолжение следует